

**САКРАЛЬНЫЙ ТЕКСТ В РИТУАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ
(К ИСТОКАМ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА
В ДРЕВНЕИНДИЙСКИХ ТРАКТАТАХ ВЕДАНГИ)**

© 2018 г. О. А. Волошина

Кандидат филологических наук, доцент Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова,
Россия, 119991, Москва, Ленинские Горы, д.1
oxanav2005@mail.ru

Дата поступления материала в редакцию 19 июля 2018 г.

**SACRED TEXT IN THE RITUAL DISCOURSE
(ON THE ORIGINS OF LINGUISTIC ANALYSIS IN THE ANCIENT INDIAN
TREATISES OF THE VEDANGA)**

© 2018 Oksana A. Voloshina

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor at the Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia
oxanav2005@mail.ru

Received by Editor on July 19, 2018.

Статья посвящена выявлению ритуальной основы лингвистического анализа в трактатах Веданги. Автор рассматривает древнеиндийские сочинения по фонетике, семантике и грамматике как тексты, порожденные и функционирующие в ритуальном дискурсе. В контексте древнеиндийской ритуальной культуры членение слитного текста на звуки и морфемы, выявление семантики каждой морфемы и создание сакрального текста по правилам грамматики путем синтеза словоформ из морфем аналогично деятельности жреца, проводящего сакральный ритуал.

The article purports to uncover the ritual basis of linguistic analysis in the treatises of the Vedanga. The author considers the ancient Indian treatises on phonetics, semantics and grammar as texts generated and functioning in ritual discourse. In the context of the ancient Indian ritual culture, the division of the text into sounds and morphemes, the identification of the semantics of each morpheme, and the creation of a sacral text according to the rules of grammar by forming word forms from morphemes is analogous to the brahman performing a sacral ritual.

Ключевые слова: древнеиндийские лингвистические трактаты, ритуал, метод лингвистического анализа.

Key words: the ancient Indian linguistic treatises, the ritual, the linguistic analysis of the sacred text.

DOI: 10.31857/S241377150003058-6

На ритуальные истоки лингвистической терминологии в древнеиндийской грамматике впервые указал французский индолог Л. Рену еще в начале 40-х годов XX века [1, с. 435–469], с тех пор ученые неоднократно высказывались о зависимости терминологии и методов лингвистического анализа, разработанных в отдельных древнеиндийских сочинениях,

от ритуального дискурса¹. Однако представляется интересным проследить общий принцип работы с языковым материалом в лингвистических трактатах

¹ На ритуальные истоки лингвистического анализа указывал Захарьин Б.А. [2, с. 96], Маламуд Ш. [3, с. 250], Cardona G. [4, с. 214], Военец [5, с. 54].

Веданги. Целью данной работы является сопоставление методики лингвистического анализа в трактатах различной тематики (по фонетике, семантике и грамматике) и определение общего метода исследования сакральных текстов в древней Индии, а также выявление причин формирования такой методики.

Древнеиндийские сочинения по фонетике, метрике, семантике и грамматике, сформировавшиеся в составе Веданги (*vedāṅga* (*vedā* + *aṅga*) – приложение к Ведам, опоры Вед, дополнение к ведийским текстам), возникли как система дисциплин прикладного характера, направленных на интерпретацию и сохранение ведийских ритуальных текстов. Из шести дисциплин, получивших статус Веданги, первые четыре отрасли знания можно отнести к собственно лингвистическим, ведь они так или иначе направлены на понимание, сохранение, воспроизведение и трансляцию сакральных текстов.

1. *ṣikṣā* (f) – трактаты о правильном произношении, т.е. фонетика;

2. *chandas* (n) – знание метрических размеров Вед, т.е. метрика;

3. *vyākaraṇa* (n) – наука о правильном построении словоформ из морфем, т.е. грамматика;

4. *nirukta* (n) – трактат о значении слов и об объяснении трудных слов в текстах Вед, т.е. этимология;

5. *kalpa* (m) – инструкция по проведению ритуалов;

6. *jyotiṣa* (n) – руководство по определению подходящих дней для обрядов, т.е. астрология.

“Нелингвистическими” среди этого списка были трактаты по астрологии и руководства по проведению ритуалов – эти две дисциплины Веданги подчеркивают ритуальный характер как самих ведийских текстов, так и вспомогательных сочинений, посвященных способам их изучения и интерпретации.

Магическое пространство ведийского ритуала формировалось благодаря обрядовым действиям, причем именно сакральное слово считалось тем созидющим началом, которое способствовало успешному проведению жертвоприношения. Этим объясняется особенно пристальное внимание брахманов к магическому слову. Неслучайно сборники произносимых во время ритуалов гимнов (священные самхиты²) тщательно составлялись, изучались,

² Ритуальный дискурс обслуживали сборники сакральных текстов – самхиты (*saṃhitā* собрание ведийских гимнов). Древнейшая и наиболее авторитетная самхита – Ригведа – содержала гимны богам, отрывки из которых произносились во время жертвоприношения. Яджурведа была руководством по проведению ритуала, предписывающим последовательность действий жрецов, произноси-

комментировались и передавались из поколения в поколение жрецами-брахманами. Потребность понимать, интерпретировать и транслировать ведийские тексты, а также необходимость правильно использовать сакральные гимны в ходе ритуала, привели к появлению научной рефлексии над языком и стилем не только древнейших самхит, но и всей последующей ведийской литературы³. Философско-лингвистический анализ ведийских ритуальных гимнов и комментирующих их текстов породил обширную и разнообразную, представленную различными школами, науку о языке в древней Индии. Сформировавшаяся лингвистическая традиция была продуктом ритуального дискурса, а трактаты Веданги переняли струк-

мые ими слова, жесты, и даже мысли и образы, которые должен вызывать в воображении жрец, совершающий конкретный обряд (агнихотра, ащвамедха и т.п.). Самавед – сборник фрагментов из гимнов Ригведы в музыкальном исполнении – своеобразная ведийская литургия.

³ Гигантский корпус ведийской литературы, складывающийся вокруг самхит, – это Брахманы, Араньяки и Упанишады.

Брахманы (*brāhmaṇa* – букв. комментарий к Веде, толкование высшей сути, объяснение) – тексты, представлявшие собой инструкции по проведению ритуала, включавшие описание совершаемых жрецами действий при жертвоприношении, произносимых ими слов, а также попытки объяснения символического значения предписанных обрядовых действий и сакральных изречений.

Араньяки (*āraṇyaka* – букв. лесной текст, лесная книга) – эзотерические тексты, предназначенные для брахманов-отшельников, удалившихся от мира в пустынное место (в леса). Араньяки предлагали философско-религиозное осмысление символики ритуальных действий, продолжали как бы на другом уровне – уровне философского осмысления – прописанные в Брахманах особенности священных обрядов. Араньяки стремились выявить принцип построения текста, основанный на ритмической повторяемости отдельных сегментов текста, и объяснить символику образов, опираясь на формальную структуру мантр.

Упанишады (*upaniṣad* – букв. усаживание рядом, т.е. у ног учителя) – сокровенное знание, наставление о путях и способах достижения бессмертия. Самое верное средство обретения бессмертия – это приобщение к знанию особого рода, а именно навыку символического (мысленного) проведения ритуала. Идея общего начала, принимающего самые разные формы воплощения, выражается в Упанишадах изоморфностью различных структур: ритуала, мифа, текста, языка, устройства окружающего мира и строения человеческого тела и т.п. Тексты Упанишад, полные тропов, перекрестных отсылок, противоречивых заявлений и таинственных предсказаний, отождествляют космос, ритуал и человека.

туру, методику и терминологию ритуальных текстов. Конечно, ритуальная лексика неизбежно претерпела переосмысление в контексте лингвистической проблематики, однако, представляется, что понять лингвистические трактаты Веданги можно только в контексте породившей их древнейшей ритуальной культуры.

Итак, статус дисциплин Веданги получили трактаты по фонетике (*ṣikṣā*), метрике (*chandas*), грамматике (*vyākaraṇa*) и этимологии (*nirukta*).

Древнеиндийские фонетисты создали подробнейшие артикуляционно-акустические классификации звуков, описали и расклассифицировали различные изменения звуков в потоке речи. Грамматика рассматривала правила построения словоформ из морфем различного типа, а этимология – наука о понимании значений слов и об объяснении трудных слов в текстах Вед – заложила основу семантического анализа ведийских гимнов. Что касается трактатов по метрике, стоит сказать, что традиция описания ритмической организации текста была подробно разработана в ведийский период, достаточно указать на многочисленные редакции Самаведы, включающие варианты метрического исполнения гимнов Ригvedы. Поскольку поэтические тексты Ригvedы были составлены по разным метрическим схемам, жрецу необходимо было разбираться в поэтических размерах, уметь правильно декламировать текст сакрального гимна. Неудивительно, что поэтические размеры изучались, классифицировались индийскими брахманами с глубокой древности, что и отразилось в трактатах чхандас (*chandas*)⁴.

В предлагаемой работе мы ограничимся рассмотрением трактатов по фонетике, сочинения Яски по семантике и знаменитой грамматики Панини.

Шикша (*ṣikṣā*) – трактаты по фонетике

Трансляция текстов исключительно в устной форме способствовала формированию методики анализа звучащей речи в поздневедийский период, ведь архаичное произношение сакральных гимнов уже значи-

тельно отличалось от фонетической нормы родных языков и диалектов брахман. А сохранить древнейшие особенности произношения священных текстов было очень важно, ведь индийцы считали, что правильная фонетическая огласовка могла обеспечить связь людей с миром богов, а ошибка в произношении, наоборот, разрушала эту связь. Поскольку форма слов сакрального текста в сознании древних оказывалась напрямую связанной с выражением определенного содержания, то малейшее изменение этой формы (в случае устной формы бытования священного текста речь шла о сохранении звучания слова в священном гимне), неизбежно приводило к изменению содержания произнесенного слова.

Этим и объясняется огромный интерес индийцев к звучащей речи, результатом которого явились тончайшие артикуляционные и акустические характеристики различных звуков, внимательное описание фонетических процессов, анализ типа и места ударения и т.п. Трактаты индийцев по фонетике относятся к самым древним (авторство их неизвестно), фонетика и есть самая первая научная лингвистическая дисциплина в древней Индии⁵.

Фонетические древнеиндийские трактаты разнообразны по составу, методу описания и относятся к разным хронологическим пластам. Статус Веданги имеют теоретические сочинения шикша, однако более древними и содержательными являются многочисленные тексты пратишакхья (*prātiṣākhya*)⁶ – практические пособия по обучению рецитации отдельных самхит. В трактатах пратишакхья разбирались конкретные фонетические явления в тексте определенной самхиты (Ригvedы, Самаведы, Яджурvedы), а именно типы сандхи, место и вид ударения в словах и т.п.

В свою очередь, трактаты пратишакхья возникли не на пустом месте, они опирались на методику анализа звучащей речи, используемую при составлении текстов пада-патха (*pada-pāṭha*), и тщательно разработанную классификацию звуков варна-самамная (*vaṇa-samāmnāya*).

Из глубины веков до нас дошли два принципиально разных способа оформления текста Ригvedы:

⁴ «Чхандас – это наука стихосложения, определяющая применение различных размеров в соответствии с вибрациями космического порядка, которые они призваны выражать, помещая их тем самым на полностью иной уровень по сравнению с “поэтическими” формами в чисто литературном смысле слова: более того, глубокое знание ритмов и их космических соответствий, которое обуславливает их использование в некоторых подготовительных способах метафизического осуществления, является общим для всех восточных цивилизаций» [6, с. 204].

⁵ Уже в Мундака-упанишаде (одной из самых ранних) шикша перечисляется первой из Веданг (Мун.Уп. 1.1.5) [7, с. 618].

⁶ Выражение “для каждой ветви” означает, что тексты данного фонетического трактата предназначались для какой-либо конкретной редакции текстов вед, принадлежащей определенной традиции (*ṣākhā*), или для всех редакций одной из самхит.

древнейший текст самхита-патха (*samhitā* букв. *непрерывное чтение*), в котором слова при произнесении соединялись друг с другом в потоке речи по правилам сандхи, и более поздний вариант текста *pada-pāṭha* (букв. *чтение по словам*), в котором правила сандхи были сняты и слова выступали в изолированном виде. Самхита-патха – это более древний вариант ведийского текста, представляющий священные мантры в том виде, в котором они заучивались и произносились во время ритуала, а пада-патха – это учебный текст, основанный на раздельном произнесении слов сакральных гимнов. Дело в том, что в древнейшем варианте из-за многочисленных фонетических изменений звуков в потоке речи и морфологических чередований на стыках слов и морфем многие слова меняли свой первоначальный облик до неузнаваемости, что приводило к ошибкам в восприятии и толковании текстов самхит. Чтобы избежать ошибочных интерпретаций, брахманы разработали более поздний вариант текста, в котором слова были представлены в своем первоначальном виде (как бы вне контекста). Методика составления варианта пада-патха предполагала членение сплошного текста самхиты на отдельные слова (иногда предлагалось даже морфемное членение слова по правилам грамматики). Такая изоляция отдельных элементов, как представлялось брахманам, позволяла сохранять без искажения слова сакральных ритуальных формул.

Разработанные мнемотехнические приемы, позволяющие брахманам передавать из поколения в поколение неподверженный изменениям священный текст, были основаны на методе сегментации речевого потока, то есть на вычленении отдельных сегментов звучащей речи (слов и морфем) и на описании разнообразных комбинаций полученных сегментов. “Стремление сохранить священный текст в неприкосновенности привело, во-первых, к необыкновенно точной устной передаче текста самхиты, который не имеет вариантов, хоть и хранился в жреческой среде, передаваясь устно от отца к сыну, во всяком случае более полутора тысяч лет. Во-вторых, оно привело к созданию разных дополнительных способов хранения текста по словам: *gramarāṭha* (букв. *чтение шаг за шагом*), где каждое слово дается в сочетании с предыдущим и с последующим (т.е. слова a, b, c, d даются как ab, bc, cd); и еще более сложных – *jaṭārāṭha* (букв. *заплетенное чтение*), где каждое слово повторяется трижды, второй раз в обратном порядке (ab, ba, ab, bc, cb, bc) и самого сложного *ghanarāṭha* (букв. *густое или прочное чтение*) с весьма запутанным рисунком повторений каждого слова

(ab, ba, abc, cba, abc, bc, cb, bcd etc.). В-третьих, стала создаваться вспомогательная литература, цель которой – удержать и закрепить неприкосновенность ведийского текста. Сюда относятся пратишакхья (*prātiśākhya*), предназначенные для обеспечения правильной рецитации текста при переходе от пословной редакции к слитному тексту” [8, с. 477–478].

В трактатах пратишакхья разбирались только три типа рецитации: самхита, пада и крама. Пада-патха была посвящена описанию сандхияльных изменений звуков в потоке речи, правильному выделению словоформ в звучащем тексте и описанию ударения, а крама-патха представляла собой мнемоническую технику, разработанную для более успешного заучивания мантр⁷.

Если образованный европеец постоянно пользуется библиотекой – домашней и публичной, он умеет найти в книге нужную информацию, то в контексте индийской культуры знать текст – значит помнить его наизусть, включать его в корпус других текстов, выстраивая разного рода перекрестные ссылки. «Текст, заучиваемый таким способом, действительно инкорпорируется в личность, тем более что для “вбивания” текста в голову ученика учитель заставляет эту самую голову резко двигаться назад, вперед и вбок, следуя ритму рецитации... Текст, когда его выучивают наизусть, становится вневременным. В него нельзя заглядывать, его невозможно листать, откладывать, снова брать, как книгу. Он навязывает свое постоянное присутствие и созревает в принимающем его уме, притом что для самого ума этапы этого созревания остаются незаметными. Кроме того, в знании, инкорпорированном таким путем, стирается восприятие того, что объединяет этот текст с миром внетекстуальных фактов, в котором он появился» [3, с. 332]. Выученный таким образом текст “созревает” в уме брахмана, обретает глубину, каждый фрагмент текста вызывает множество ассоциаций, образуя перекрестные связи с другими текстами и ритуальными действиями.

Итак, задачи сохранения, интерпретации и правильного использования священных ведийских текстов в ритуальном дискурсе породили своеобразную лингвистическую традицию исследования священных текстов. Для решения практических задач были

⁷ В частности, в пратишакхье приводится пример рецитации фразы в трех вариантах:

Самхита-патха: upatvāgnehaviṣmatīrghṛtācīryantaharyyata
Пада-патха: upa/tvā/agne/haviṣmatīh/ghṛtācīh/yanta/haryyata
Крама-патха: upatvā/tvāgne/agnehaviṣmatīh/
haviṣmatīrghṛtācīh/ghṛtācīryanta/yantaharyyata
(Цит. по [9, с. 33]).

разработаны первые методики анализа текста. В частности, методика членения слитного текста (самхита-патха) на отдельные слова (пада-патха) подразумевала использование особых приемов сегментации слитной звучащей речи на элементы – отдельные слоги и звуки (варна), а также варианты их классификации с учетом артикуляционно-акустических характеристик. В результате этих действий возникли списки звуков санскрита, предназначенные для обучения правильному произношению ведийских гимнов, – **варна-самамная** (varṇa-samāmnāya).

Варна-самамная

a, ā, i, ī, u, ū, ṛ, ṝ, ḷ, (ḹ)⁸, e, o, ai, au
 k, kh, g, gh, ṅ
 c, ch, j, jh, ñ
 ṭ, ṭh, ḍ, ḍh, ṇ
 t, th, d, dh, n
 p, ph, b, bh, m
 y, r, l, v,
 ṣ, ṣ̄, s, h

Звуки в списке варна-самамная располагаются в соответствии с артикуляционно-акустическими признаками: гласные (краткие и долгие), гласные дифтонгического происхождения и собственно дифтонги, сонанты, звонкие и шумные согласные, которые, в свою очередь, сгруппированы в ряды по месту и способу образования.

Перечень гласных звуков начинается с *a* – самого широкого, открытого звука, далее приводятся более узкие звуки, затем сонанты и согласные. Таким образом, звуки располагаются по мере сужения прохода на пути воздушной струи – от открытых звуков до смычных согласных.

Гласные расположены в следующем порядке: простые гласные (краткие и долгие), слогаобразующие плавные сонанты, гласные дифтонгического происхождения и дифтонги.

Далее идет основной корпус согласных звуков – смычные согласные (spraṣa – *смычные*, букв. *образованные прикосновением, полной смычкой* (spr̥ṣṭā)). Этот список состоит из пяти горизонтальных рядов (varga), причем каждая варга объединяет звуки, имеющие общее место образования (сначала идут согласные задненебные, затем средненебные, ретрофлексные, зубные и губные).

⁸ Долгий слоговой ḷ встречается только в искусственно созданных грамматических терминах, поэтому в некоторых вариантах списка варна-самамная этот звук может отсутствовать.

Задненебные (kaṅṭhya) – k kh g gh ṅ;
 палатальные (tālavya) – c ch j jh ṅ;
 ретрофлексные (mūrdhanya) – ṭ ṭh ḍ ḍh ṇ;
 зубные (dantya) – t th d dh n;
 губные (oṣṭhya) – p ph b bh m.

Мы видим, что все пять рядов содержат по пяти смычных согласных, расположенных в строго определенном порядке, а именно: глухой, глухой придыхательный, звонкий, звонкий придыхательный, носовой звук. Таким образом, расположение звуков строго противопоставляет звонкие и глухие, придыхательные и непридыхательные, носовые и неносовые согласные.

Затем следует вторая группа согласных – ряд неносовых сонантов (по способу артикуляции занимающих промежуточное положение⁹ (antaḥsthā – *стоящие между, промежуточные*), расположенных с учетом места образования: палатальный (y), язычный (r), зубной (l) и губной (v). Два согласных в центре ряда: r и l – плавные согласные.

Третья группа согласных представляет собой ряд шумных спирантов (ūṣman- *жар, зной*), расположенных в следующем порядке – ṣ, ṣ̄, s, и задненебный спирант h.

Очевидно, что классификация звуков в списке варна-самамная была четко продумана и опиралась на артикуляционно-акустические характеристики звуков. Эта система позднее легла в основу алфавита деванагари – вот почему древнеиндийский алфавит отражает четкую классификацию передаваемых графемами звуков.

Многочисленные тексты пратишакхья предлагали разное количество звуков в перечне варна-самамная. В частности, вариант варна-самамная в Тайттирия-пратишакхье представлял собой более пространственный список из 60-ти единиц, т.к. включал сверхдолгие гласные (pluti), а также несамостоятельные звуки (ayogavāha) [10, с.19], к которым относятся висарга, анусвара, анунастика и др. особые звуки, образующиеся в результате комбинаторного и позиционного изменения звуков в потоке речи¹⁰. Вариант варна-са-

⁹ Промежуточными эти звуки называются потому, что они являются переходным классом между смычными и щелевыми, ведь смычка у них еще присутствует, но струя воздуха обходит ее специфическим образом. Например, при образовании дрожащего r смычка образуется и преодолевается; или при образовании сонанта l струя воздуха обходит смычку в обход.

¹⁰ Если бы мы описывали подобным образом особенности произношения звуков русского языка в потоке речи, то могли бы отметить появление и-образного призвука после

мамная со вспомогательными звуками в виде таблицы см. в работе [11, с. 20].

Например, **visarga**¹¹ (visarga букв. *выход наружу, исторжение*) или **висарджанья** (visarjanīya) – слабое глухое придыхание, позиционный вариант звуков *s* и *r* после гласного в конце слова или в конце морфемы (то есть перед паузой) [10, с. 79]. **Анусвара** (anusvāra букв. *следующий за гласным*) – лишенный смычки носовой призвук, возникающий после гласной из *m* и *n* или после гласных в конце слова перед следующим словом, начинающимся с согласного звука. Анусвара образуется на конце слова или морфемы (например, sam-*jaya* *победный*), но может встречаться и в пределах одной морфемы (например, haṁsa) [10, с. 66]. **Анунастика** (anunāsika – букв. *сопровождающая назальность*) – назализация предшествующего гласного звука, то есть носовая окраска гласного звука, которая встречается в особых сандхи гласных (например, tāñ) [10, с. 80].

К “вспомогательным” звукам относятся еще четыре звука **яма** (yama) – несамостоятельные звуки, призвуки, появляющиеся в результате сочетания звуков. Например, сварабхакти (svarabhakti) – вставной сверхкраткий гласный, появляющийся между взрывным согласным и [r] или, наоборот, между [r] и взрывным согласным. Как свидетельствует ведийский размер, гласный сварабхакти может быть даже слогаобразующим: ind-*ga*, r-*ga* и др. Понятно, что разнообразные оттенки звуков не могли (и не должны) быть учтены в списках варна-самамная, ведь в потоке речи в результате коартикуляции возникает приспособление звуков друг другу, их изменение, приобретение звуком разнообразных оттенков и призвуков.

Ученые спорят относительно статуса звуковых сегментов в варна-самамная. С одной стороны, это звуки, приобретающие разнообразные оттенки в потоке речи, однако подобных оттенков и призвуков при слитном произношении, как уже было сказано,

мягкого согласного и перед ним в слове *пять* [p^hat^h] или у-образного призвука после губно-зубного согласного перед огубленным гласным в слове *волк* [v^holk]. С полным основанием можно говорить в русском языке о назализации гласного звука перед носовым согласным или о лабиализации согласного перед лабиализованным гласным, о появлении звонкой аффрикаты в позиции перед звонкими шумными согласными на стыке слов *отец друга* [dz] и т.п.

¹¹ Тайттирия-пратишакхья упоминает два варианта висарги для ведийского языка – это джихвамулия и упадхманья. Джихвамулия (обозначается как χ) – это придыхание перед глухим веллярным; а упадхманья (обозначается как φ) – придыхание перед глухим губным.

возникает бесчисленное множество и учесть их все невозможно. С другой стороны, это и не фонемы в традиционном понимании, ведь список варна-самамная не совпадает с фонемами, устанавливаемыми для санскрита современными фонологическими школами (см. например, список фонем санскрита, предложенный А.А. Зализняком в “Грамматическом очерке санскрита” [12, с. 798]).

В этой связи интересна точка зрения А.В. Яковлева, который утверждает, что древнеиндийские грамматисты “вполне последовательно проводили здесь вполне научный – и притом вполне фонологический – принцип, хотя их фонология не совпадает ни с одной из трех наиболее привычных нам фонологических традиций” [13, с. 218]. Ведь “сам порядок перечисления звуковых сегментов санскрита, varṇa-samāntāya... близко подходит к тому, что современный фонолог установил бы для санскрита в результате субституционально-дистрибутивного анализа изолированных слов”, но “к результату аналогичного исследования слитной речи этот список подходит еще ближе” [13, с. 215]. Можно предположить, что в рамках грамматической традиции древней Индии возникла стройная классификация фонем санскрита на основе анализа фонетических характеристик реализаций этих фонем в слитной звучащей речи.

Итак, обожествление звучащей речи в контексте ритуала, внимательное наблюдение над особенностями произношения священных гимнов, попытка расчленить поток звучащей речи на сегменты, стремление выработать особые приемы мнемотехники, позволяющие хранить в памяти тексты большого объема, – все это способствовало развитию фонетики в древней Индии. Брахманы разработали методику сегментации речевого потока и выделения звуков, классифицировали изолированные звуки, описали изменения звуков в потоке речи, определили характер и условия различных чередований звуков, охарактеризовали типы ударения. Методика сегментации звучащей речи неизбежно приводила индийцев к пониманию контекстной обусловленности любой языковой единицы – это чисто лингвистическое представление позже получило лингво-философское осмысление в учении о неизменной сущности явлений, принимающих самое разное воплощение.

Необходимость внимательного изучения и сохранения **звуковой формы** священного текста в среде брахманов признавалась всеми, не вызывая разногласий. Относительно сохранения понимания текста, объяснения и интерпретации **содержания**

священных самхит такого единодушия не наблюдалось. Поскольку ведийские тексты воспринимались индийцами как результат божественного откровения, увлекаться интерпретацией смысла вед, по мнению некоторых брахманов, было очень опасно, так как человек мог исказить божественное слово, предложив свое (неизбежно неверное) прочтение священного текста.

Однако некоторые брахманы полагали, что необходимо пытаться сохранить не только форму, но и содержание текстов священных гимнов, для чего важно было выработать алгоритм выявления значения и интерпретации смысла текстов вед, сформулировать процедуру не только формального, но и содержательного анализа текстов. В рамках такого подхода формируется этимология – дисциплина, предполагающая выяснение семантики исходного священного текста.

Нирукта (nirukta) – трактат по этимологии

Самым известным трактатом в области семантической этимологии стала Нирукта Яски (VI–V вв. до н.э.) – подробный комментарий к древнейшему глоссарию Нигханту.

Словарь Нигханту – список ключевых слов к тексту Ригведы – был составлен самим Яской или его предшественниками. Индологи до сих пор спорят о том, что представляет собой Нигханту и какую цель преследовал его создатель, ведь Нигханту не является комментарием к Ригведе, не содержит толкований значений слов, причем перечисляемые слова группируются в глоссарии совершенно особым образом. Интересно предположение, что “Нигханту – это мнемонический словарь, подразумевающий знание определенного контекста (на что указывают, например, ключевые слова), т.е. текст заучивался наизусть, после чего учитель, вероятно, приводил все контексты из Вед, где данное слово в таком-то конкретном месте употреблено” [9, с. 76–77]. Лингвистическая рефлексия в данном случае явилась результатом потребности сохранения сакрального текста, его толкования и интерпретации. Классы слов в Нигханту отражали семантическую структуру текста Ригведы в целом, являясь семантическими опорами толкования и интерпретации [14, с. 307].

Яска создает подробный комментарий к сгруппированным в Нигханту ключевым словам, объясняющий значения этих слов на основе своеобразного семантико-этимологического анализа. Именно поэтому Нирукту Яски традиционно называют трактатом по этимологии, хотя в тексте нет попыток выявления

происхождения слов, исследования истории слова, изменения его формы и значения. Яска предлагает синхронное, а вовсе не диахроническое описание языка, поскольку слова Нигханту – это вечные слова бессмертных гимнов: они неподвластны времени, как и восхваляемые в Ригведе всемогущие боги.

Если для европейских ученых этимологический анализ применялся для установления происхождения слова путем возведения к более древней форме (этимону), при доказательстве общего происхождения слов, имеющих разную форму, с опорой на звуковые и фонетические законы, то в индийских трактатах нирукта – это методика выяснения значения слова путем сопоставления этого слова с другими словами, близкими по значению и форме.

Значение слова определялось в нирукте путем выявления формальных или семантических соответствий различных частей слов, в этом смысле этимологизирование в индийских трактатах являлось продолжением важной традиции членения слов. Поскольку все слова можно разделить на части (морфемы или слоги), одинаковые или сходные по звучанию и/или значению, этимологический анализ предполагает, по Яске, вычленение этих составных частей слов и на базе их комбинации выведение семантики исследуемого слова.

Первые опыты применения подобного этимологического анализа встречаются еще в текстах брахман, они основаны на создании многочисленных этимологических фигур для объяснения связи явлений и предметов друг с другом. Все эти этимологические разыскания связаны с «постоянно демонстрируемой готовностью творцов брахманической прозы к своеобразным “филологическим играм”, за которыми стояла глубочайшая убежденность в том, что в самом названии предмета скрыта его сущностная природа. Следует при этом особо подчеркнуть, что распространялась подобная убежденность не только на слова, но даже и на отдельные слоги, составляющие их» [15, с. 357]. Этот подход позволил выработать своеобразный “расчленяюще-этимологический” прием, в результате которого слово членилось на сегменты, используемые при интерпретации значения исходного слова.

Например, конструкция “этимологического” толкования слова *uktha* (гимн, хвалебное слово) позволяет объединить в одном слове два смысла: *uk* – *огонь* и *tham* – *возлияние*. Получалось, что хвалебный гимн сам являлся возлиянием (ритуальным подношением) богу огня – и этот смысл выводился в процессе игры значениями частей слов.

Такой “этимологический” анализ слов, позволял авторам брахман отождествлять разные понятия путем соотнесения называющих их слов (или частей слов), выстраивая причудливые формально-семантические соответствия. Например, Шатапатха-брахмана повествует: “Лежал, поистине, Вритра, покрыв собой все здешнее, которое между небом и землей. Из-за того, что лежал он, покрыв (vṛ) все здешнее, имя ему – Вритра” (Шатапатха-брахмана 1.1.3.4) [16, с. 122].

Этот своеобразный этимологический анализ помогал, по мнению брахман, прояснить скрытую семантику слова, восстановить его первоначальный смысл. Например, имя бога Индры на самом деле, по мнению брахман, должно звучать как *Индха* (*зажигатель – бог грозы*), так как происходит от глагольного корня √indh (*зажигать, воспламенять*), однако боги пожелали затемнить прозрачную этимологию имени, заменив один звук и добавив другой, и создали имя *Индра*. Мы видим, что перестановка и замена звуков, выкидка и вставка звуков может использоваться как способ “затемнить” имя, спрятать его, сделать его неузнаваемым. Поэтому Яска и не склонен доверять фонетическому облику слова, опираясь на интерпретацию семантики.

При таком подходе, очевидно, этимология одного и того же имени может быть не единственной, в разных текстах предлагались разнообразные трактовки происхождения одного и того же имени. Например, Айтарея Упанишада сообщает о происхождении имени Индра следующее: «Он увидел этого *пурушу*, всепроникающего Брахмана, [и сказал]: “Я видел это”. Поэтому [его] имя Идандра (*idaṁdra*), “*тот, кто видел это*”, поистине [его] имя Идандра. И его, Идандру, тайно называют Индрой, ибо боги любят все тайное» (Айтарея Упанишада 3.13–14) [7, с. 502–503]. Не случайно упанишада сообщает, что “боги любят все тайное”, ведь они сознательно изменяют слова – их фонетический облик и семантику, причем это искажение происходит не по определенным законам, а спонтанно, по прихоти богов. Брахманы высказывали разные мнения относительно стремления богов создать “тайный” язык: некоторые считали, что боги хотели единолично владеть секретом происхождения слов, другие считали, что боги развлекаются игрой в слова. Механизмом деформации изначально прозрачных слов владели только всемогущие боги, а люди могли лишь догадываться об истинном значении слов, о формальной и семантической связи слов друг с другом. С этой точки зрения цель этимологического анализа – предложить варианты разгадки, прояснения истинной формы и значения слов путем

обнаружения формальных и семантических связей между этими словами, причем установленные связи могли быть произвольными и субъективными.

В рамках разработанного этимолого-семантического анализа древнеиндийские грамматисты пытались возвести каждое слово к исходному глагольному корню, что предполагало морфемное членение исследуемого слова. Это морфемное членение проводилось не всегда последовательно, часто приблизительно и интуитивно: слово членилось на части таким образом, чтобы одна из частей полностью или частично совпадала с имеющимся глагольным корнем.

Свой метод анализа Яска называет *нирвачана* (*nirvacana* *толкование*, букв. *выговаривание /выявление (смысла)*). Для установления значения (*samartha*) слова (*pada*) необходимо определить семантическое сходство анализируемого слова с другими словами, а также исследовать изменение формы слова (*vikāra*) (*Nirukta* 1, 12–14) [17, с. 88], поэтому для Яски актуальной становилась проблема определения грамматической формы слова. Выражаясь языком современной лингвистики, Яска обсуждал семантико-грамматическую природу классификации слов по частям речи.

Яска начинает свой трактат с перечисления частей речи, очевидно, что эта тема, вынесенная в начало сочинения, очень важна для понимания его метода семантической интерпретации слов. Яска выделяет четыре части речи: глагол (*ākhyāta*), имя (*nāma*), глагольная приставка (*upasarga*) и частица (*nipāta*). Комментируя важнейшие части речи, Яска опирается на семантику, а не формальную структуру части речи: глагол, по Яске, выражает становление (процесс) – *bhāva*, а имя – результат действия (*sattva*). Основная семантическая идея глагола – процесс, становление, а имени – статика (*mūrta* – *нечто застывшее, принявшее форму*) (*Nirukta* 1, 1) [17, с. 70–71]. Очевидно, что при классификации частей речи Яска учитывает преимущественно смысл, а не форму, хотя, конечно, имена, глаголы и частицы (неизменяемые слова) отличаются морфологической формой, именно поэтому грамматический анализ также учитывается в *Нирукте*.

С точки зрения современной лингвистики классификация частей речи, предложенная Яской, кажется странной. Почему, например, Яска не выделяет наречия (грамматически неоформленные слова), а глагольные приставки, напротив, представляет отдельным классом слов? Эта тема заслуживает отдельного рассмотрения, здесь позволим

высказать предположение, что такая классификация была вызвана важной для постведийской лингвистической науки задачей – составление текстов пада-патха на основе слитного текста самхит. Вероятно, классификация частей речи Яски удобна для разбивки слитного текста на слова: глагольные приставки и частицы в этом смысле представляют особый интерес.

Проблема выделения частей речи важна была для Яски еще и потому, что он был убежден в происхождении всех имен от глаголов (Nirukta 1, 12–14) [17, с. 88]. Яска рассматривает разные точки зрения на этот вопрос и высказывается утвердительно: все имена возводимы к глаголам, причем под именами подразумеваются существительные, прилагательные, частицы и глагольные приставки. Интересно, что для Яски проблема происхождения слов не порождает историческую проблематику, ведь слова вечны, их глубинная сущность неизменна. Анализ слова проходит вне временной перспективы, механизм возведения любого слова к глагольному корню необходим Яске только как прием формально-семантического анализа.

Схема образования существительных и прилагательных от глагольных корней кажется Яске абсолютно прозрачной, ведь каждое слово легко могло быть подвергнуто этимологическому анализу, в результате чего обнаруживалась его формальная и семантическая структура. Таким образом, выявление скрытого значения слова, возводимого к глагольному корню, основывалось на прозрачной этимологической форме слов санскрита.

Приведем некоторые примеры возведения имен к глагольным корням, предложенные Яской.

Например, слово *rāja* (*царь, господин*) возводилось к $\sqrt{rāj}$ (*руководить, командовать*), то есть основой семантической интерпретации данного слова являлось главенствующее положение раджи, его способность повелевать.

Слово *vrkṣa* (*дерево*) предположительно происходило от $\sqrt{vraṣ}$ (*рубить, срезать*), то есть дерево – это то, что можно срубить.

Слово *megha* (*облако, туча*) имело источником \sqrt{mih} (*орошать, поливать водой, мочиться*), то есть туча – это то, что проливается дождем, орошает землю.

Madhu (*мед*) образовался от \sqrt{mad} (*веселиться, получать удовольствие*), потому что сладкий мед приносит удовольствие.

Прилагательное *mṛdu* (*мягкий, нежный*) предположительно восходит к \sqrt{mrad} (*смягчать, разглаживать*),

что тоже семантически оправданно, ведь мягкое и нежное есть что-то смягченное.

Некоторые предложенные этимологии кажутся натянутыми и искусственными, однако, как уже было сказано, Яска не ставил задачу выявления происхождения слов путем соблюдения строгих семантических и фонетических законов. Подобными параллелями он лишь пытался установить семантические связи слов, чтобы выявить значение слов, их скрытую глубинную семантику.

Этимологические фигуры, используемые Яской при создании метода семантико-этимологического анализа слов для определения их значения и семантических связей, опираются на “прозрачное”¹² формальное и семантическое строение производных слов санскрита. Яска убежден, что слова не случайно имеют определенное значение, ведь форма слова (звучание и морфемное строение) связана с природой именуемой вещи. “Прозрачное” строение слов дает возможность проследить, как именно происходило осмысление языковым сознанием и воплощение в вербальную форму того или иного понятия – как будто сокровенный механизм воплощения мысли в слово становится вдруг видимым благодаря “прозрачной” структуре санскрита. И в этой “прозрачной” структуре слова отражается фрагмент языковой картины мира.

Каждая номинация благодаря “прозрачной этимологии” подчеркивает характерную черту именуемой вещи или понятия, указывает на определенную особенность именуемого объекта. Однако эта характеристика неизбежно оказывается ограниченной, ведь ни одно слово не может полностью и всесторонне передать понятие, раскрыть его смысл, поэтому необходимо много слов, выстраивающихся в длинную цепочку синонимов – каждый синоним раскрывает одну грань передаваемого понятия, а вместе они представляют более полную картину. Многочисленные синонимы и слова, близкие по значению, называющие одно и то же понятие, образуют гигантское семантическое поле, имеющее сложную структуру

¹² Французский индолог Шарль Маламуд пишет о ясности и прозрачности санскрита как о признаках, демонстрирующих совершенство строя этого древнего языка. “С одной стороны, слова всецело адекватны своему референту; с другой стороны, механизмы создания слов не содержат ничего таинственного: прилагательные и существительные являются регулярными производными от связанных с ними глагольных корней. Стало быть, форма слова мотивирована двойко: своим очевидным отношением к объекту, который она обозначает, и своей прозрачной этимологией. Это санскрит богов, язык, пронизанный светом” [3, с. 270].

взаимных семантических связей. С одной стороны, значение каждого слова в пределах семантического поля можно установить только при учете широкого общего значения всего семантического поля, с другой стороны, глубинное значение семантического поля может проявляться только в конкретных воплощениях – в синонимах, принимающих разные формы и получающих оттенки значений в разных контекстах.

Процедура выявления глубинной семантики исследуемого слова допускает установление множественных перекрестных семантических и формальных связей между словами. Учитывая общее формальное (звуковое или морфемное) строение слова, Яска тем не менее больше внимания уделял значению слова. По его мнению, совпадение звучания может быть случайным, а вот семантические параллели представляют более надежную опору при этимологическом анализе, поэтому при выявлении значения слова предлагалось рассматривать синонимы, близкие по значению слова или слова, значение которых хоть как-то можно связать с семантикой анализируемого слова.

Например, значение слова *земля* раскрывается в семантических связях со словами *ṛṭhivī* (*земля*), *ṛṭhu* (*широкий, пространный, большой*), *gata*, *gātu* (*движение, хождение*), *gacchanti* (*ходят (по ней живые существа)*), *go* (*корова*) и др. [17, с. 90]. В этом смысле земля трактовалась как широкое пространство, где гуляют коровы, – все слова, описывающие данную картину, по мнению индийских грамматистов, должны быть связаны формально или семантически. В отличие от этимологии, устанавливающей происхождение слова путем анализа морфемной структуры слова, фонетических соответствий и семантики, “этимология” Яски не может быть истинной или ложной, ведь все семантические связи, найденные Яской, так или иначе помогают вскрыть истинное значение слова.

Перечисление синонимов или слов, близких по значению, позволяет Яске не только исследовать перекрестные связи слов в семантической группе, но и выяснять взаимную связь между вещами и понятиями. Например, слово *aṇḍaja* (букв. *рожденный из яйца*) в санскрите может называть *птицу, рыбу* или *змею*. Яска утверждает, что здесь в одном слове объединяются несколько значений: *anekārthaika śabda*, причем значение слова (*artha*) целиком определяется контекстом и дискурсом. С другой стороны, *рыба* в санскрите может называться еще и *matsya* (букв. *произошедший от рыбы*), *jalaja* (букв. *рожденный в воде*)

и др. В этом случае разные слова (*śabda*) возводимы к разным этимологическим значениям, которые определяют мотивированность номинации, связь именуемого понятия с другими, варианты его осмысления. В этом смысле каждое слово может иметь несколько этимологий, так как оно вызывает разные смысловые ассоциации, вступает в различные семантические связи и раскрывает взаимную связь предметов и понятий, устанавливая природу называемых словами вещей.

Нанизывание близких по значению слов или слов, значения которых как-то связаны друг с другом, создает единое семантическое поле, что помогает Яске обнаружить цепь ассоциаций, воссоздающих скрытую семантику слов. Такая этимологизация не выясняет ни происхождение слова, ни его историю, но позволяет увидеть скрытые семантические слои, установить глубинную семантику того или иного слова. Эта операция по “семантическому этимологизированию” основывается на синонимах, на словах той же семантической группы, на контекстах, в которых встречается слово в сакральных текстах, на мифах и символах, которые лежат в основе древнеиндийской языковой картины мира.

Семантическому анализу подвергаются, по мнению Яски, только те слова, грамматическая форма которых выявлена, т.е. установлен корень, от которого произошло слово. Только после этого возможен семантический анализ и интерпретация исследуемого слова. Если же установить исходный корень не получается, если грамматическая форма слова не понятна, тогда устанавливать значение редкого или малоизвестного слова приходится только по контексту – сводный анализ всех контекстных употреблений исследуемого слова позволял установить его значение.

Методика Яски, конечно, была далека от научного этимологического анализа, разработанного европейской лингвистикой XIX века в рамках сравнительно-исторического языкознания, тем не менее попытка Яски определить и уточнить значение малоизвестного слова с опорой на слова одной лексико-семантической группы и стремление учитывать фонетические соответствия, обнаруживаемые между словами, позволили ему разработать своеобразную методику семантического анализа слова, выявлявшую тончайшие оттенки значения и особенности контекстуального употребления.

Такая процедура допускает наличие множественных перекрестных связей между словами, поэтому в результате анализа устанавливается не **вектор**, ука-

зывающий происхождение слова, а **сеть**, в которой слово оказывается соединенным самыми разными (семантическими и формальными) связями с другими словами. Яска пытается обнаружить базовую семантику слова – ядро его семантической структуры.

Принято считать, что процедура семантического этимологизирования в Нирукте направлена на выяснение значения устаревших и малопонятных слов Ригvedы. Однако примеры семантических реконструкций значений слов, приводимые Яской, показывают, что в большинстве случаев анализу подвергаются как раз распространенные, часто употребляемые слова, значения которых вообще не вызывают сомнений. Можно сказать, что это не исключения, а ключевые слова ведийских текстов – своеобразные семантические опоры всего корпуса Ригvedы. Получается, что трактат Яски имел своей целью вовсе не этимологию, а семантическую интерпретацию слов сакрального текста.

Как уже было сказано, часто Яска приводит варианты происхождения слова от разных корней, ведь он устанавливает семантическую этимологию, то есть возможные смысловые связи, основанные на семантическом сходстве и ассоциациях, которые актуализируют в сознании говорящих весь спектр значений произносимых слов. Это не метод этимологического анализа в строгом смысле слова, а принцип работы с сакральным текстом для его семантической интерпретации. Можно сказать, что используя многочисленные цитаты из ведийских текстов, опираясь на примеры контекстного употребления слов, Яска предлагает первый опыт экзегезы сакрального текста.

По мнению Яски, множественность интерпретаций и возможных пониманий священных мантр – не минус, а плюс, ведь возможность разных прочтений текста, выявление перекрестных ссылок в корпусе текста и восстановление общего смысла сакрального текста – главная задача Нирукты.

Таким образом, Яска предлагает первый опыт семантического анализа сакрального текста. Семантическая этимология, установление значения (*artha nigvacanam*) направлена на определение места лексемы в семантическом поле и на выяснение семантических связей конкретного слова с другими словами. Разнообразные коннотационные и контекстные значения, включающие слово в различного рода перекрестные семантические и формальные связи, обеспечивают глубину понимания текста, создают своеобразную связь разных фрагментов текста друг с другом – особую интертекстуальность священных гимнов.

В контексте нашей работы важно обратить внимание на то, что прозрачное строение производных слов ведийского и санскрита, позволяющее, как было показано, устанавливать значение слова путем анализа его формально-семантической структуры, опирается на процедуру членения слов на морфемы. При выявлении значения слова Яска опирался на принцип морфемного членения слова и семантическую интерпретацию морфем, что было совершенно неизвестно европейцам в V–IV вв. до н.э. А индийская грамматическая традиция, разработав механизм морфемного анализа слова, широко использовала его для выявления семантики слов с опорой на его формальную (в данном случае морфемную) структуру.

Вьякарана (vyākaraṇa) – трактат по грамматике

Другой важнейшей дисциплиной цикла Веданги, направленной на сохранение ведийских текстов, является грамматика, а самым знаменитым грамматическим трактатом традиционно считается Аштадхьяи (*Aṣṭādhyāyī* букв. *Восьмикнижие*) Панини (V–IV вв. до н.э.).

Широко известно, что грамматика Панини – древнейшее дошедшее до нас из глубины веков описание языка, предписывающее построение словоформ по сформулированным в грамматике правилам. Процесс синтеза словоформ основывался на методике вычленения, классификации и последовательного соединения морфем в составе словоформы. Понятийное и терминологическое выделение морфемы как базовой единицы лингвистического анализа является, несомненно, огромным достижением древнеиндийской грамматической школы. Поскольку все имена и глаголы, по мнению индийцев, произошли от определенного количества исходных морфем – глагольных корней, при синтезе словоформы к глагольному корню последовательно присоединялись определенные типы аффиксальных морфем, при этом все степени синтеза формы слова (глагольной или именной) строго предписывались правилами грамматики.

В этом смысле показательно, что грамматика в индийской традиции называлась *vyākaraṇa* (букв. *расчленение, анализ*), ведь в самом термине отражался метод работы с языковым материалом. Справедливости ради надо сказать, что в грамматике не приводится методика членения словоформы на морфемы, предполагается, что это процесс уже свершился, а в тексте Аштадхьяи формулируются правила, следуя которым можно синтезировать цельные словоформы из набора морфем (причем эти классы морфем сопровождают текст грамматики в виде приложений

и хорошо известны грамматистам). Таким образом, синтез, предписанный грамматикой, опирается на предшествующий анализ словоформы на составные части.

Сначала звучащая речь анализируется, дробится на морфемы, которые группируются в классы в зависимости от места в словоформе и роли в процессе синтеза речи, а затем из разрозненных элементов по описанным в грамматике правилам вновь создается священная речь. В зависимости от функции в составе словоформы, от выражаемого значения, от положения относительно корня в линейной цепочке морфем разные аффиксы противопоставлялись друг другу, объединялись в классы, и им предписывалось определенное поведение при синтезе словоформы.

Итак, исходными элементами, которые участвовали в процессе синтеза словоформы, являются морфемы. Грамматика Панини не содержит общего термина “морфема”, автор оперирует специальными терминами (часто техническими) для обозначения разных видов морфем. Вероятно, это происходит потому, что разные типы морфем: корневые и аффиксальные (словообразовательные и словоизменяющие) выполняют разные функции при синтезе словоформ, что проявляется и в закрепленных за ними позициях в составе словоформы. Словоформа при таком подходе понимается как цепочка морфем разного типа.

Исходной единицей при синтезе словоформы является главная морфема слова – корень *dhātu* (1.3.1)¹³. Текст грамматики Панини сопровождался полным списком таких корней – *dhātu-patha*. К глагольному корню последовательно присоединялись разные типы аффиксов – *pratyaya* (1.2.45). Специальными терминами обозначались основообразующие элементы, словообразовательные и словоизменяющие морфемы, свойственные разным частям речи. Очевидно, что каждый аффикс занимал строго определенное место в словоформе и выполнял свойственную ему функцию в процессе синтеза именных и глагольных словоформ.

Например, глагольная форма настоящего времени 3 лица единственного числа от глагольного корня *bhar* *нести* образуется по следующей схеме:

1) Исходный элемент *bhar-* находим в списке дхату-патха в перечне корней 1 класса, следовательно, согласно сутре 1.3.1, он является корнем *dhātu*.

2) На первом этапе синтеза глагольной словоформы к глагольному корню необходимо прибавить показатель *La* – символическое обозначение глагольных грамматических категорий наклонения и времени.

В частности, для образования глагольной основы настоящего времени к глагольному корню нужно прибавить аффикс со значением настоящего времени, согласно сутре 3.2.123: *vartamāne Laṭ* (суффикс *Laṭ* используется для обозначения настоящего времени)¹⁴.

$\sqrt{bhar} + Laṭ$

Технические показатели *a* (согласно сутре 1.3.2) и *Ṭ* (согласно сутре 1.3.3) претерпевают элизию по сутре 1.3.9: *tasya loraḥ*.

$\sqrt{bhar} + L$

3) Оставшееся техническое обозначение *L* заменяется на 18 флексий по сутре 3.4.78: *tip, tas, JHi, siP, thas, tha, miP, vas, mas, ta, ātām, JHa, thās, āthām, dvam, iT, vahi, mahiÑ*. Вся совокупность окончаний обозначается пратьяхарой *tiÑ*.

$\sqrt{bhar} + tiÑ$

Эти окончания классифицируются по трем лицам (1.4.101) и трем числам (1.4.102). Для образования нужной нам формы мы из этого перечня флексий выбираем окончание действительного залога (*parasmaipada*) 3 лица (*prathama*) единственного числа (*ekavacana*). Согласно сутре 1.4.108 техническое обозначение *L* мы должны для выражения необходимых нам грамматических значений заменить на *tiP*.

$\sqrt{bhar} + tiP$

4) Однако согласно правилу 3.1.68 после корня перед флексией действительного залога появляется аффикс *ṣaP* – основообразующий суффикс основы настоящего времени. Технические показатели этого аффикса также исчезают при образовании словоформы (по сутре 1.3.9). Оставшийся суффикс *-a* присоединяется к корню для образования основы настоящего времени.

То есть $\sqrt{bhar} + ṣaP + tiP > \sqrt{bhar} + a + ti > \sqrt{bhar} + a + ti$ (*он несет*).

На этом синтез данной словоформы завершен, однако если в порождаемой словоформе происхо-

¹³ Традиционно каждая сутра грамматики Панини нумеруется и обозначается последовательностью из трех цифр: первая цифра – это порядковый номер книги Восьмикнижия, вторая цифра – номер раздела и третья цифра – номер сутры. Например, сутра 1.3.1 – это первая сутра третьего раздела первой книги грамматики Панини. Текст грамматики Панини цитируется по изданию Sharma R.N. *Aṣṭādhyāyī of Pāṇini*. New Delhi. Vol. 1–2. 1990. (The second edition – 2000), Vol. III. 1995. (The second edition – 2002), Vol. IV. 1999. Vol. V. 2001. Vol. VI. 2003. [18].

¹⁴ Как уже было сказано, категории времени и наклонения символически обозначаются в грамматике Панини общим родовым термином *La*, а категория настоящего времени – видовым термином *Laṭ*.

дят морфонологические чередования, на следующем этапе синтеза необходимо учесть изменения звуков. Все эти звуковые изменения также предписаны специальными правилами грамматики. Например, по уже приведенной схеме образуется личная форма от $\sqrt{bh\ddot{u}}$, однако согласно сутре 7.3.84 последняя гласная корня принимает вид $gu\ddot{a}$, т.е. $\sqrt{bh\ddot{u}} > bho + \text{ṣa}$. Далее гласный o перед следующей гласной меняется на av согласно сутре 6.1.78: $bho + a > bhav$. В результате получаем форму $bhav + a + ti > bhavati$ (существует, становится).

Очевидно, что синтез словоформы санскрита есть сложный процесс, который не ограничивается механическим присоединением аффиксов к корневой морфеме, но сопровождается морфонологическими чередованиями в корнях и аффиксах. Кроме того, в процессе синтеза словоформ по описанным в грамматике правилам образуется большое число неправильных, нерегулярных форм (исключений), которые нужно объяснить, сформулировав для каждого случая специальное правило.

Именная словоформа образуется путем присоединения к глагольному корню первичных именных аффиксов ($kṛt$) и вторичных именных аффиксов ($taddhita$), в результате чего образуется именная основа $prātipadika$ ¹⁵. Разного рода именные основы образуют многочисленные аффиксы родовой принадлежности, обозначаемые специальными терминами в сутрах грамматики. Сложный механизм синтеза таких основ определяется правилами грамматики. Затем к полученной основе присоединяются именные словоизменительные морфемы – падежно-числовые флексии, которые в грамматике Панини имеют обозначение suP (1.4.103).

Попробуем образовать именную словоформу женского рода именительного падежа единственного числа от глагольного корня $bh\ddot{u}$.

1. К исходному глагольному корню $bh\ddot{u}$ (1.3.1) прибавляем первичный именной суффикс $kṛt$ (3.1.93). Общий термин $kṛt$ является обозначением нескольких видов аффиксов, из которых мы выбираем суффикс $niṣṭha$ – аффикс для образования отглагольной именной формы прошедшего времени (3.2.84).

2. Согласно правилу 1.1.26 термин $niṣṭha$ обозначает два типа аффиксов: Kta и $Ktavat$, причем аффикс

Kta служит для образования основы среднего рода (3.3.114). Полученная на данном этапе синтеза единица представляет собой именную основу $prātipadika$ (1.2.45–46).

3. После присоединения первичного именного суффикса (в нашем примере это Kta) для получения искомой словоформы присоединяем к полученной именной основе вторичный именной суффикс $taddhita$ (4.1.1). В результате получается цепочка $((bh\ddot{u} + kṛt) + taddhita)$. Этот аффикс $taddhita$ имеет название $Ṇi$ или $\bar{a}P$.

4. Далее для получения вторичной именной основы применяем суффиксы, образующие основы женского рода (4.1.1.). В нашем случае воспользуемся суффиксом $ṆiP$ (4.1.3,15): $((bh\ddot{u} + kṛt) + taddhita) + ṆiP$.

5. В заключение к полученной вторичной именной основе женского рода присоединяем падежное окончание именительного падежа единственного числа sU (1.4.54, 102–104, 2.3.46). В результате проведенных операций мы получаем цепочку морфем, образующую искомую форму:

6. $((((bh\ddot{u} + kṛt) + taddhita) + ṆiP) + sU)$.

Следует оговориться, что в данном примере мы ограничились схемой (моделью) образования именной словоформы, не снабжая примерами каждый этап синтеза. Попытка проиллюстрировать образование каждой ступени процесса синтеза словоформы потребовала бы привлечения большого количества побочных правил, посвященных различным звуковым изменениям, сопровождающим порождение словоформы. Большой дополнительный материал затемнил бы общую схему синтеза словоформы.

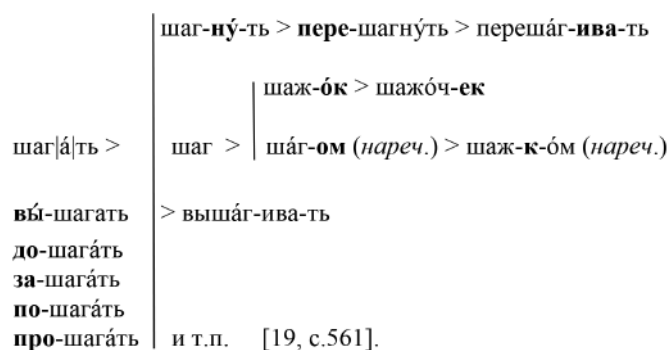
Поскольку грамматика Панини есть описание процесса синтеза словоформ санскрита из определенного типа морфем, в тексте Аштадхьяи, естественно, основными терминами, выстраивающими структуру всей грамматики, будут названия типов морфем и операций, которые необходимо совершить при составлении словоформы. Даже определение слова (точнее словоформы) Панини дает через аффиксальные морфемы: suP - $tiṆ$ - $antam$ $padam$ (1.4.14) – то есть словоформой является то, что оканчивается на именные (suP) или глагольные ($tiṆ$) флексии. Очевидно, что морфологическое оформление словоформы является для Панини важнейшим принципом выделения единицы из потока звучащей речи.

Присоединение аффиксальных морфем к корню происходит по определенным правилам, каждый аффикс добавляется к корню на определенной ступени

¹⁵ Определение именной основы Панини дает через ее морфологическое оформление: $kṛt$ - $taddhita$ - $samāsaḥ$ ca ($prātipadika$), т.е. основа, оканчивающаяся на $kṛt$ или $taddhita$ аффиксы, а также основа сложного слова есть $prātipadika$ (1.2.46).

синтеза и занимает строго отведенное ему место в составе словоформы, которая при этом представляет собой цепочку аффиксальных морфем. Поэтому пропуск аффикса в словоформе трактуется как значимое отсутствие – лора (именно индусы еще в V–IV вв. до н.э. ввели в грамматическое описание понятие нулевой морфемы).

Для иллюстрации механизма образования словоформы приведем пример синтеза именных и глагольных форм слова на материале русского языка¹⁶:

Синтез словоформы есть сложный многоступенчатый процесс, на каждой ступени словообразования к исходной основе добавляется словообразовательный аффикс (префикс или суффикс), который в нашей схеме выделен полужирным шрифтом. Процесс словообразования не ограничивается механическим присоединением аффиксов к корневой морфеме, но сопровождается морфонологическими чередованиями в корнях и аффиксах. Подобного рода чередования используются и в русском языке при образовании словоформ: рук-а > руч-н-ой; друг > друз'-я, друг > друж-б-а, соберу – собирать – собрать – собор и т.п.

В нашем примере со словом *шагать* мы могли бы попробовать сформулировать некоторые правила синтеза именной словоформы *шажочка*: глагольный корень *шаг* присоединяет аффикс, образующий именную основу (в нашем случае это нулевой аффикс, тогда как аффикс основы инфинитива *-а*). На следующей ступени синтеза добавляется уменьшительный аффикс *-ок*, при этом специальным правилом оговаривается, что задненебный *к* меняется на *ж* перед суффиксом *-ок*. На следующей ступени синтеза присоединяется суффикс *-ек*, при этом согласный *к* меняется на *ч* (опять это изменение специально предписывается правилами грамматики), затем к

полученной основе добавляется именная флексия *-а*, при этом происходит выпадение гласного *-е*:

шаг + ок > шажок + ек > шажочек + а > шажочка.

Образование словоформы предстает как многоступенчатый процесс, сопровождаемый морфонологическими чередованиями:

(шаг) + ок > ((шаг) + ок) + ек > (((шаг) + ок) + ек) + а.

Важно заметить, что в тексте грамматики содержатся ссылки на списки слов, образующих формы по описанной модели (в нашем примере это будут слова *друг*, *флаг* и т.п.). Если слово не образует подобной формы (например, *враг*), то специальное правило грамматики оговаривает это исключение, посвящая таким случаям отдельные правила. В процессе синтеза словоформ по описанным в грамматике правилам образуется большое число неправильных, нерегулярных форм (исключений), которые нужно объяснить, сформулировав для каждого случая специальное правило. В силу вышеназванных обстоятельств описать механизм порождения правильной речи в виде предписывающих правил не просто, правила могут исключать друг друга, они сложно структурируются, действие главного правила (заглавного) может быть отменено правилом узкого диапазона действия, поэтому правила представляют собой не просто перечень, а иерархию. Текст грамматики строго структурирован, сутры тесно связаны друг с другом и взаимообусловлены, ведь каждый фрагмент текста обретает смысл лишь в контексте всей грамматики.

Для понимания текста грамматики Панини важно учитывать устный характер бытования этого произведения, ведь грамматика первоначально не была записана и долгое время существовала в форме устной трансляции от учителя к ученику. Именно этим обстоятельством объясняется стремление к кратким формулировкам и отсутствие комментариев к тексту. Вероятно, все комментарии и пояснения могли быть при необходимости даны учителем непосредственно при изучении сутр учеником.

Уникальный метаязык грамматики, основанный на иерархической структуре сутр, на сложной системе символов и обозначений, включающий технические обозначения единиц и операций в тексте грамматики, – все это выделяет Аштадхьяи даже среди выдающихся произведений индийской научной мысли. Неповторимость грамматики объясняется тем, что Аштадхьяи возникла в контексте своей эпохи как текст, призванный решать задачи своего времени. Грамматика Панини есть порождение постведийской эпохи, она функционировала как часть гигантского

¹⁶ В русском языке примеры построения словоформ путем присоединения словообразовательных (и словоизменительных) морфем можно найти в словообразовательном словаре А.Н. Тихонова [19].

корпуса текстов, обслуживающих ведийский ритуал (если не в прямом смысле служила инструкцией обрядовых действий, то предписывала создание правильного сакрального текста). “Деятельность грамматиста предполагала умение совершать операции анализа и синтеза: рассекать, расчленять исходный текст на слова, слова на морфемы, а морфемы на звуки, а затем из отдельных элементов создавать цельный сакральный текст, при этом подразумевалось, что именно в процессе синтеза вновь образуемое целое наделяется божественной энергией, и в этом смысле человеческое возводится до уровня божественного” [20 с. 328]. Грамматист был одним из жрецов, совершающих ритуал, – он создавал из частей сакральное слово, творил божественное из хаоса, соединяя разрозненные автономные части в смысловое целое, которое в его руках наделялось сакральным смыслом. “Как и жрец, он расчленяет, разъединяет на части первоначальное единство, идентифицирует эти *membra diajacta* (т.е. определяет их природу через установление системы соответствий с элементами макро- и микрокосма), собирает их воедино в целостности более высокого плана. Теперь это новое единство артикулировано, организовано, осознано и, главное, выражено в слове” [21, с. 181].

Итак, задачи сохранения, интерпретации и правильного использования священных ведийских текстов в ритуальном дискурсе породили своеобразную лингвистическую традицию исследования языка и стилистических особенностей священных текстов. Для решения практических задач были разработаны первые методики анализа сакрального текста.

В частности, методика членения слитного текста (*самхита-патха*) на отдельные слова (*пада-патха*) подразумевала использование особых приемов анализа звучащей речи, а именно сегментации слитной синтагмы на отдельные элементы. Исследователи неоднократно обращали внимание на ритуальные истоки фонетического анализа в индийских трактатах: *самхита-патха* членится на фрагменты подобно тому, как жрец расчленяет жертвенное животное, а затем из отдельных частей *пада-патха* вновь создается слитный сакральный текст, и этот синтез символизирует ритуальное сотворение организованного космоса. «Речь делилась на элементы только для того, чтобы воссоздать новое целое, символ непрерывности. *Самхита-патха* была своеобразной игрой, “полуграмматической”, “полумистической”, основанной на правилах *сандхи*» [22, с. 45].

Языковые особенности лексики Ригvedы легли в основу анализа семантики текста, также основанного

на принципе членения слов на фрагменты и попытке установления значения слова и связей слова с другими на основе перекрестных ссылок, образуемых формальными и семантическими соответствиями выделенных фрагментов. Этимология (*niṅukta*) – наука о выявлении значения слов сакральных текстов, то есть, это скорее трактат по лексической семантике, точнее, по семантической этимологизации, которая в дальнейшем станет важным направлением философско-лингвистических изысканий в древней и средневековой Индии.

Если Нирукта – дисциплина, объясняющая семантику слов путем анализа значения его частей, то грамматика (*vyākaraṇa*) – наука о правильном построении словоформ из морфем, то есть задача грамматики – описание процедуры формального синтеза. “Можно предположить, что два знаменитых трактата о языке взаимно дополняют друг друга, поскольку Панини предлагает описание синтеза форм слов из морфем разного типа (грамматика), а Яска предлагает методику анализа значений слов (семантика). Если Аштадхьяи представляет собой алгоритм создания словоформ из конечного списка исходных единиц, то Нирукта есть попытка обнаружения скрытого смысла, глубинной семантики слов путем выявления и толкования семантических связей слов знаменитой Ригvedы. Таким образом, можно утверждать, что Панини разрабатывал методы формальной грамматики, а Яска – семантического анализа” [23, с. 152–153].

Несмотря на различия между трактатами Панини и Яски можно с уверенностью сказать, что принципы работы с текстом, метод анализа материала и в Аштадхьяи, и в Нирукте похожи. Это прием ритуального членения целого на части, чтобы в результате сакрального действия опять получить целое. Как жрец-адхварью отделяет телок от коров-матерей в ритуале почитания молодого месяца, а при жертвоприношении расчленяется тело жертвенного животного, так сегментируется на части поток звучащей речи. Ошибка жреца, членящего жертву, так же губительна для ритуала, как искаженное произнесение слов сакральных гимнов. Если ритуальные трактаты предписывают правила членения жертвенного животного, то грамматика Панини обучает проделывать то же самое со словами – символической жертвой богам.

Грамматист называется *vāg-yoga-vid* (букв. *знаток речевого анализа и синтеза*), ведь из исходных элементов, на которые предварительно членится слитный текст *самхита-патха*, затем вновь создаются правильные словоформы, выстраивающиеся затем в слитный текст. В этом смысле грамматика Панини восходит к

“ритуалистической традиции с ее акцентом на формальном аспекте ритуала (правильном делении жертвенной субстанции и упорядочивании ее частей в соответствии с ритуальными нуждами). Как и ритуалисты, Панини конструирует свой объект (лингвистические формы) из их составляющих частей в чрезвычайно систематической манере” [22, с. 74].

Трактаты Веданги каждый по-своему обслуживали сложный ведийский ритуал, специальные дисциплины по фонетике, семантике и грамматике свидетельствовали об огромной важности вербальной составляющей при проведении сакрального обряда. Как любой древний текст можно понять только в контексте породившей его эпохи, так и особенности интерпретации и анализа текста в индийских лингвистических трактатах раскрываются лишь в сравнении со структурой ритуала – центром и главной движущей силой древнеиндийской цивилизации.

Особенности строения и функционирования текстов корпуса Веданги дают возможность говорить о ритуальном характере генезиса индийских лингвистических трактатов. Зарождение науки о языке в древней Индии связано именно с ведийской религиозной культурой и с ритуалом как центральным элементом этой культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Renou L.* Les connexions entre le rituel et la grammaire en sanskrit (1941–1942) // *Studies in Linguistics. A Reader on the Sanskrit Grammarians.* Ed. by Staal J. F. Cambridge, Massachusetts, and London, England, 1972. P. 435–469.
2. *Захарьин Б.А.* О ритуальных основаниях классической индийской традиции // *Вестник Московского университета.* Сер. 13. Востоковедение. № 4. 2001. С. 89–98.
3. *Маламуд Ш.* Испечь мир. Ритуал и мысль в древней Индии. М.: Восточная литература РАН, 2005. 349 с.
4. *Cardona G.* Pāṇini's syntactic categories // *Journal of Oriental Institute of Baroda* // Baroda. No. 16, 1967. P. 201–215.
5. *Военец К.В.* Древнеиндийская традиция (грамматика Панини) и современное индоевропейское языкознание. Дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2006. 209 с.
6. *Генон Р.* Общее введение в изучение индусских учений. М.: Беловодье, 2013. 305 с.
7. *Упанишады.* Перевод с санскрита, исследование, комментарий и приложение А.Я. Сыркина. Изд. 3-е. М. Восточная литература. 2003. 782 с.
8. *Елизаренкова Т.Я.* “Ригведа” – великое начало индийской литературы и культуры // *Ригведа. Мандалы I–IV.* Перевод, вступ. статья и примечания Т.Я. Елизаренковой. Изд. 2-ое. М.: Наука. 1999. С. 426–543.
9. *Тавастшерна С.С.* Становление и развитие лингвистической традиции в Древней Индии. Дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2009. 193 с.
10. *Tāittirīya-prāṭiçākhyā, with its commentary, the Tribhāṣyāratna: text, translation and notes by W.D. Whitney.* (From the Journal of the American Oriental Society. Vol IX. 1871). New York, London. 1993. 469 p.
11. *Allen W.S.* Phonetics in ancient India. London, New York, Toronto. Oxford University Press. 1953. 96 p.
12. *Зализняк А.А.* Грамматический очерк санскрита // *Кочергина В.А.* Санскритско-русский словарь. М.: Русский язык, 1987. С. 785–895.
13. *Яковлев А.В.* О некоторых элементах фонологии в древнеиндийских фонетических представлениях // *Язык и речевая деятельность.* Том 4. Ч. 1. СПб., 2001. С. 213–225.
14. *Волошина О.А.* Nighaṇṭu как инструмент семантического анализа гимнов Ригведы // *Проблемы ближней и дальней реконструкции.* Материалы IX Международной конференции по сравнительно-историческому языкознанию, посвященной 90-летию со дня рождения профессора Олега Сергеевича Широкова (1927-1997). М, 2017. С. 192–208.
15. *Романов В.Н.* К жанровой эволюции брахманической прозы // *Шатапатха брахмана. Книга I. Книга X (фрагмент).* М.: Восточная литература РАН. 2009. С. 5–110.
16. *Шатапатха-брахмана. Книга I. Книга X (фрагмент).* Перевод, вступительная статья и примечания В.Н. Романова. М.: Восточная литература РАН. 2009. 384 с.
17. *The Nighaṇṭu and the Nirukta. The oldest indian treatise on etymology, philology and semantics. Text and translation by Lakshman Sarup.* Delhi, Varanasi, Patna. Varanasi, Patna, 1967. 688 p.
18. *Sharma R.N.* Aṣṭādhyāyī of Pāṇini. New Delhi. Vol. 1–2. 1990. (The second edition – 2000), 557 p.; Vol. III. 1995. (The second edition – 2002), 829 p.; Vol. IV. 1999, 817 p.; Vol. V. 2001, 611 p.; Vol. VI. 2003, 831 p.
19. *Тихонов А.Н.* Новый словообразовательный словарь русского языка для всех, кто хочет быть грамотным. М.: АСТ. 2014. 639 с.
20. *Волошина О.А.* Ритуальные истоки лингвистического анализа в грамматике Панини // *Индоевропейское языкознание и классическая филология – XXII.* Материалы чтений, посвященных памяти проф. И.М.Тронского. Т. I. СПб., 2018. С.323–332.
21. *Топоров В.Н.* Мифопоэтический локус санскрита // *Тезисы докладов и сообщений советских ученых к V Международной конференции по санскритологии.* М. Институт востоковедения. 1981. С. 178–183.

22. Лысенко В.Г. Дискретное и континуальное в истории индийской мысли. Лингвистическая традиция и вайшешика. Дис. ... докт. филос. наук. М, 1998. 422 с.
23. Волошина О.А. “Нирукта” Яски и “Аштадхьяи” Панини как два направления развития древнеиндийской лингвистической мысли // Индоевропейское языкознание и классическая филология. Материалы чтений, посвященных памяти проф. И.М.Тронского. СПб., 2017. С. 145–153.

REFERENCES

- Renou L. Les connexions entre le rituel et la grammaire en sanskrit (1941–1942). Studies in Linguistics. A Reader on the Sanskrit Grammarians. Ed. by Staal J. F. Cambridge, Massachusetts, and London, England, 1972, P. 435–469.
- Zaharin, B.A. On the Ritual Foundations of the Classical Indian Tradition. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 13. Vostokovedeniye*. Moscow, 2001. P. 89–98. (In Russ.)
- Malamud, Sh. Bake the World. Ritual and Thought in Ancient India. Moscow, “Vostochnaja literatura” RAN Publ., 2005. 349 p. (In Russ.)
- Cardona G. Pāṇini’s syntactic categories // Journal of Oriental Institute of Baroda // Baroda. No. 16, 1967. P. 201–215.
- Voeneč, K.V. Ancient Indian Tradition (The Grammar of Panini) and Modern Indo-European Linguistics. Dissertation of Candidate of Philological Sciences. St. Petersburg, 2006. 209 p. (In Russ.)
- Genon, R. A General Introduction to the Study of Indian Teachings. Belovodje, 2013. 305 p. (In Russ.)
- Upanishady. Transl. by A.Ya. Syrkin. Moscow, “Vostochnaja literatura” Publ., Izd. 3-e. 2003. 782 p. (In Russ.)
- Elizarenkova, T.Ya. “Rigveda” – the Great Beginning of Indian Literature and Culture. *Rigveda. Mandaly I–IV. Transl. by T.Ya. Elizarenkova*. Moscow, Nauka Publ., Izd. 2-e. 1999. P. 426–543. (In Russ.)
- Tavastsherna, S.S. Formation and Development of the Linguistic Tradition in Ancient India. Dissertation of Candidate of Philological Sciences. St. Petersburg, 2009. 193 p. (In Russ.)
- Tāittirīya-prāṭicākhya, with its commentary, the Tribhāshyaratna: text, translation and notes by W.D. Whitney. (From the Journal of the American Oriental Society. Vol. IX. 1871). New York, London. 1993. 469 p.
- Allen W.S. Phonetics in ancient India. London, New York, Toronto. Oxford University Press. 1953. 96 p.
- Zalizn`ak, A.A. Sanskrit Grammatical Essay. *Kochergina, V.A. Sanskrit-Russian Dictionary*. Moscow, “Russkij yazyk” Publ., 1987. P. 785–895. (In Russ.)
- Yakovlev, A.V. On Some Elements of Phonology in the Ancient Indian Phonetic Representations. *Language and Speech Activity. Vol. 4. Ch. 1*. St. Petersburg. 2001. P. 213–225. (In Russ.)
- Voloshina, O.A. Nighaṇṭu as a Tool for the Semantic Analysis of the Hymns of the Rigveda. *Issues of Close and Far Reconstruction. Materials for the IX International Comparativistics Conference to the 90th Birthday of Professor Oleg Sergejevich Shirokov (1927–1997)*. Moscow, 2017. P. 192–208. (In Russ.)
- Romanov, V.N. To the Genre Evolution of the Brahminical Prose. *Shatapathka brakhmana. Book I. Book X (fragment)*. Moscow, Izdatel’skaya firma “Vostochnaja literatura” RAN Publ., 2009. P. 5–110. (In Russ.)
- Shatapatha-brahmana. Book I. Book X (fragment). Transl. by V.N. Romanov. Moscow, Izdatel’skaya firma “Vostochnaja literatura” RAN Publ., 2009. 384 p. (In Russ.)
- The Nighaṇṭu and the Nirukta. The oldest indian treatise on etymology, philology and semantics. Text and translation by Lakshman Sarup. Delhi, Varanasi, Patna. Varanasi, Patna, 1967. 688 p.
- Sharma R.N. Aṣṭādhyāyī of Pāṇini. New Delhi. Vol. 1–2. 1990. (The second edition – 2000), 557 p.; Vol. III. 1995. (The second edition – 2002), 829 p.; Vol. IV. 1999, 817 p.; Vol. V. 2001, 611 p.; Vol. VI. 2003, 831 p.
- Tihonov, A.N. A New Word-Building Dictionary of the Russian Language for All Who Want to be Literate. Moscow, AST Publ., 2014. 639 p. (In Russ.)
- Voloshina, O.A. Ritual Sources of Linguistic Analysis in the Grammar of Panini. *Indo-European Linguistics and Classic Philology – XXII. Materials for the Conference in Memory of Professor I.M. Tronskiy*. Vol. I. St. Petersburg. 2018. P. 323–332. (In Russ.)
- Toporov, V.N. Mythopoeitic Locus of Sanskrit. *Theses of Soviet Scholars to the Vth International Sanskritology Conference*. Moscow, Institut vostokovedeniya Publ., 1981. P. 178–183. (In Russ.)
- Lysenko, V.G. Discrete and Continual in the History of Indian Thought. Linguistic Tradition and Vaiseshika. Dissertation of Doctor of Philological Sciences. Moscow, 1998. 422 p. (In Russ.)
- Voloshina, O.A. “Nirukta” Yaski and “Ashtadhyai” Panini as Two Directions of Development of Ancient Indian Linguistic Thought. *Indo-European Linguistics and Classic Philology – XXII. Materials for the Conference in Memory of Professor I.M. Tronskiy*. Vol. I. St. Petersburg. 2017. P. 145–153. (In Russ.)